

- Сяобэй! Бэй-бэй! - Фу Яньлинь осторожно потянул Мо Сяобэя за руку и, наконец набравшись смелости, дразняще ткнул пальцем в его раскрасневшиеся от алкоголя щеки. Кожа была очень горячей, но при этом невероятно мягкой...

- Ты чего делаешь? - Мо Сяобэй хмыкнул, приподнял голову и, опасно покачнувшись, показал Фу Яньлиню средний палец. - Зовешь меня «бэби», а сам не собираешься жениться - зачем тогда соблазняешь? Будешь нести за меня ответственность? - он начал отчитывать его, путая слова и переходя с кантонского на путунхуа.

Неизвестно, был ли он действительно настолько пьян или просто воспользовался состоянием легкого опьянения, чтобы позволить себе немного вольности, но он внезапно потащил Фу Яньлиня за собой вперед, при этом продолжая ворчать на него за излишнюю медлительность:

- Живее, шевелись!

Он привел Фу Яньлиня на галечный берег озера. Ночь выдалась ветреной; резкие порывы гнали по воде мелкую рябь, и пенные гребни белоснежных волн с шумом разбивались о камни. Этот глухой, рокочущий звук невольно напоминал о том, что и сам человек подобен маленькой, хрупкой лодке, беспомощно качающейся на озерной глади под ударами стихии.

Мо Сяобэй уселся прямо на землю. В руке он крепко сжимал полупустую бутылку вина и, запрокинув голову, собирался сделать еще один глоток, но Фу Яньлинь снова перехватил его руку:

- Маленький негодник, когда ты успел схватить бутылку? - Фу Яньлинь и сам удивился собственной невнимательности. - Я и не заметил. Конфискую, пить больше нельзя.

Одной рукой Фу Яньлинь крепко сжал запястье Мо Сяобэя, а другой аккуратно приподнял его подбородок. Повинуясь внезапному, почти неосознанному порыву, он осторожно надавил пальцем на его покрасневшие, слегка припухшие губы, а в следующую секунду от неожиданности вскрикнул:

- Ты что, щенок? Почему кусаешься?

Мо Сяобэй, не раздумывая, вцепился зубами в палец Фу Яньлиня, а затем издал вызывающий, почти детский смешок:

- Кусаю именно тебя!

Фу Яньлинь посмотрел на два четких ряда отпечатков зубов на кончике своего пальца. Он начал подозревать, что этот парень вовсе не пьян, а просто ведет себя как законченный сумасброд, поэтому в отместку в шутку размазал влажный след со своего пальца по лицу Мо Сяобэя.

- Хм! Ненавижу тебя! - Мо Сяобэй раздраженно фыркнул, подтянул колени к груди и уткнулся в них своим пылающим от алкоголя и смущения лицом.

Фу Яньлинь тихо рассмеялся:

- Хорошо-хорошо, признаю, я плохой, тогда я ухожу, - и он сделал вид, что действительно отступает назад.

- Никуда ты не уйдешь, посиди со мной, - Мо Сяобэй тут же засыпал его ворчанием. - Неужели мне нельзя хотя бы разок побыть убитым горем?

Затем наступила долгая, тягучая тишина. Фу Яньлинь молчал, терпеливо дожидаясь, когда Мо Сяобэй успокоится, и смотрел вдаль, где на фоне ночного неба высились черные, словно выкованные из железа, силуэты горных хребтов.

Внезапно Мо Сяобэй, полуприкрыв глаза, пошатнулся и бессильно прислонился к плечу Фу Яньлиня. У того сердце пропустило удар, а по телу, от самого плеча к сердцу, разлилось странное, щекочущее покалывание - это мягкие волосы Мо Сяобэя коснулись его кожи. Фу Яньлинь вздохнул, чуть крепче обнял его и терпеливо спросил:

- О чем ты хотел мне рассказать?

- Тот судья из телевизора... - Мо Сяобэй внезапно заговорил, издав холодный, лишенный всякого веселья смешок. - Его зовут вовсе не Чэнь Кайвэнь. Звучит как имя порядочного господина, но мерзавец, даже надев человеческую шкуру, остается мерзавцем.

- Да, я тоже это заметил, - Фу Яньлинь холодно усмехнулся. - Ты так потерял контроль над эмоциями, кажется, именно после того, как начали показывать телевизор. Слова этого Чжоу Цзе пропусти мимо ушей, не принимай близко к сердцу. Больше всего я ненавижу таких вот «блатных», которые ничего из себя не представляют, но обожают лезть вперед и кичиться своим положением, - ночь была глубокой, ветер усилился, и он обнял Мо Сяобэя еще крепче, стараясь защитить его от холода.

- На самом деле, эта история случилась очень давно, - Мо Сяобэй, казалось, немного протрезвел под порывами ледяного ветра. - Знаешь, почему я приехал сюда путешествовать? - его отстраненный, затуманенный взгляд был прикован к темной поверхности озера. Он хотел пошутить, но улыбка вышла даже печальнее, чем слезы: - Мы с тобой похожи. Какое совпадение, мир тесен.

- Ну ладно, если не хочешь улыбаться, не заставляй себя выдавливать оптимизм, - Фу Яньлинь тихо вздохнул. - Разве есть что-то, о чем ты не можешь мне рассказать? - он давно догадывался, что за этим поведением скрывается какая-то драма, но всегда уважал чужую частную жизнь, поэтому никогда не спрашивал первым.

Он протянул руку, в шутку ущипнул Мо Сяобэя за щеку и сказал:

- Эй, ты теряешь контроль над мимикой, - он усмехнулся. - Губы опять вот-вот до земли отвиснут.

- Пф... - Мо Сяобэй невольно развеселился. Вскоре он снова закрыл глаза. Под воздействием алкоголя мысли окончательно спутались, весь мир превратился в пеструю, расплывчатую мозаику, пятна света и цвета плясали перед глазами, и его сознание медленно потянуло назад, в прошлое, на три года назад.

- Господин Мо, позвольте уточнить: это действительно ваша собственная работа? Вы абсолютно уверены, что подаете на конкурс именно это блюдо? - старый, изможденный иностранный судья пронзил Мо Сяобэя суровым, испытующим взглядом из-под толстых стекол очков. Остальные члены жюри, сидевшие за судейским столом, синхронно отложили вилки, и в зале воцарилась гнетущая тишина.

- Да... да, конечно. В чем проблема? - голос Мо Сяобэя слегка дрогнул. - Я придумал это блюдо сам, с нуля.

Он стоял в полном одиночестве, ослепленный ярким, беспощадным светом прожекторов. Со всех сторон на него обрушились сотни взглядов, полных сомнения, неприкрытого презрения и едкой насмешки; эти взгляды вонзались в него, словно тысячи острых клинков, оставляя глубокие, кровоточащие раны на его гордости.

Это произведение кулинарного искусства - «воздушный спринг-ролл с трюфелем, весенними побегами бамбука и лобстером» - было его собственной, тщательно проработанной

разработкой, смелым и дерзким экспериментом по слиянию традиций восточной и западной кухонь. Он посвятил подготовке этого блюда несколько месяцев изнурительного труда, но никак не мог ожидать, что в решающий момент судьи обвинят его в самом страшном для повара грехе – плагиате.

Это было просто невозможно, абсурдно. Он досконально изучил все существующие материалы, и даже сам способ приготовления этих роллов был его уникальным, авторским методом. Они не имели ничего общего с обычными спринг-роллами: эти «воздушные» творения были крупными, по форме напоминая аккуратно свернутые квадратные полотенца. Тончайшая, почти прозрачная, словно крыло цикады, хрустящая оболочка скрывала в себе нежный, тающий во рту вкус креветочного мяса и природную свежесть весенних побегов бамбука... Он уже и сам не помнил, сколько раз проводил бесконечные эксперименты и сколько душевных сил вложил в этот конкурс. В предыдущем туре он уверенно лидировал по количеству очков, а теперь, когда пришло время представлять главное блюдо, его бесцеремонно обвинили в воровстве.

– Господин Чэнь Дун всего несколько минут назад представил нам точно такое же блюдо, с идентичным вкусом и даже с абсолютно такой же подачей, – отчеканил судья.

Мо Сяобэй мгновенно побледнел, краска отхлынула от его лица. Он не мог поверить, что Чэнь Дун оказался настолько бесстыдным и подлым, чтобы полностью, до мельчайших деталей, украсть его работу. Но как бы он ни пытался оправдаться, как бы ни взывал к логике, из-за катастрофической нехватки доказательств его дисквалифицировали и наложили запрет на участие в любых подобных соревнованиях сроком на три года. Для гордого Мо Сяобэя, который всем сердцем мечтал добиться признания и успеха, этот вердикт был равносителен смертному приговору.

Его заветной мечтой было стать лучшим мастером в индустрии, прославить и продвинуть китайскую кухню по всему миру, открыть собственный, легендарный ресторан. Но это несмываемое клеймо позора, поставленное на международном конкурсе, фактически перечеркнуло всю его будущую карьеру, превратив мечты в пепел.

– Старший брат, ну как же ты мог так поступить? – раздался рядом голос Чэнь Дуна. – Хотя я всегда бескорыстно делился с тобой своими рецептами, я не ожидал от тебя такого предательства. Украсть мою работу? Превратить такой престижный конкурс в дешевый фарс? – Чэнь Дун стоял совсем рядом и с наслаждением подливал масла в огонь, глядя на Мо Сяобэя с выражением притворного сочувствия, словно искренне сожалея о том, как сильно тот «оступился».

– Да вы все заодно! Спелись, твари! Вся эта ваша хваленая справедливость и честность – полная чушь и ложь! – Мо Сяобэй услышал, как он сам, тот, из прошлого, трехлетней давности, кричал во весь голос, срывая связки. Он поднял налитые кровью, безумные глаза, резко

закатал рукава и сжал кулаки так сильно, что суставы захрустели. А затем, в одно мгновение, он вдруг странно, почти жутко улыбнулся и глубоко, тяжело вздохнул: – Ну что ж, раз так... прошу вас, попробуйте это в последний раз.

Мо Сяобэй молниеносно схватил две тарелки с запасными спринг-роллами, стоявшие на столе, и, сохраняя пугающее, ледяное спокойствие, с размаху надел одну на голову старому судье, а вторую – прямо на лицо Чэнь Дуна. Густой соус и еще обжигающе теплые роллы потекли по их лицам, пачкая дорогую одежду. Те в ужасе взвизгнули от неожиданного ожога, а Мо Сяобэй с холодным удовлетворением наблюдал, как лицо Чэнь Дуна, бледное и припудренное, словно изысканное пирожное, исказилось от неконтролируемой ярости – маска невозмутимости окончательно треснула.

Но эта вспышка безумной мести принесла лишь минутное облегчение.

Позже Чэнь Дун часто разыгрывал из себя жертву, используя тактику «зеленого чая» перед камерами, и постоянно пережевывал эту историю, словно старую, безвкусную жвачку. Он с притворным смирением и жалобой в голосе сетовал, что его «старший брат» просто сбился с истинного пути: «Я знаю, что он до сих пор держит на меня обиду, и я вовсе не виню его за это. Если он когда-нибудь осознает ошибку и захочет работать на меня, я буду только рад принять его обратно».

Мо Сяобэй, разумеется, прекрасно знал, что всё это – гнусное притворство. После того случая дисквалификация на три года стала лишь началом его кошмара: двери всех элитных ресторанов захлопнулись перед его носом. Маленькие, захудалые забегаловки поначалу казались ему чем-то ниже его достоинства, чем-то унижительным, но за эти два года, получив немало жестоких ударов от судьбы, он окончательно сломался и решил отправиться в долгое путешествие, чтобы хоть немного развеяться и сбежать из удушающей обстановки привычного мира.

– Они такие подлые! Это же просто откровенное издевательство! – воскликнул Фу Яньлинь. – Они фактически полностью перекрыли тебе путь в профессию! Но ты... ты был слишком импульсивен в тот момент... Впрочем, ладно. Что прошло, то прошло. Я не ты, и хотя наш опыт в чем-то похож, у каждого свои чувства и своя боль, поэтому я не могу сказать, что ты был неправ.

Фу Яньлинь внимательно, не пропуская ни слова, слушал, как Мо Сяобэй медленно и с трудом выплескивал свое прошлое, и невольно проникся к нему глубоким, искренним сочувствием. Он не удержался и тихо, тяжело вздохнул.

Затем он осторожно, почти невесомо, взял Мо Сяобэя за пальцы и начал медленно потирать костяшки на тыльной стороне его ладони – это был простой, но явный жест утешения и поддержки. Мо Сяобэй говорил прерывисто, в его голосе отчетливо слышались подавленные рыдания, и лишь спустя долгое время он окончательно успокоился, выдохнув всё накопившееся напряжение.

– Стало немного легче, – прошептал Мо Сяобэй. – Спасибо тебе, Брат Линь, что выслушал меня.

– О чем ты говоришь? Разве мы не хорошие друзья? – Фу Яньлинь с теплой улыбкой похлопал Мо Сяобэя по плечу. – И знаешь, я никогда не верил, что в мире могут существовать два абсолютно одинаковых листа, но мы с тобой... мы так похожи. Считай, что если бы не тот ужасный случай, ты бы, возможно, никогда не встретил меня.

Они сидели так близко, что губы Фу Яньлиня почти касались макушки Мо Сяобэя. Он склонился и тихо прошептал ему на ухо: – Ничего, еще совсем не поздно. Всегда будет шанс всё изменить. У жизни на удивление высокий запас прочности, и пока ты жив, всегда остается надежда.

Услышав эти слова, Мо Сяобэй почувствовал, как к горлу подкатил тяжелый, горячий ком. Хотя Фу Яньлинь утешал его немного неуклюже, используя банальные истины, слезы хлынули из глаз неудержимым, бурным потоком. Они мгновенно застилали зрение, и он изо всех сил старался сквозь эту пелену разглядеть лицо Фу Яньлиня.

– Ну всё, Бэй-бэй, хороший мой, не плачь, – прошептал Фу Яньлинь.

Этот вид, полный затаенной, глубокой печали, причинил Фу Яньлиню почти физическую, острую боль, которая в следующее мгновение сменилась всепоглощающей нежностью. Их лица медленно сближались, расстояние между ними сокращалось до миллиметров, и казалось, что они вот-вот поцелуются. Мо Сяобэй зажмурился, словно в предвкушении этого поцелуя. Его сердце бешено колотилось в груди: алкоголь способен заставить человека пройти путь от абсолютной трезвости к падению, а затем – к полной, окончательной потере контроля.

Но в самый последний момент Фу Яньлинь остановился. Мо Сяобэй широко открыл глаза, и в их глубине мелькнуло смешанное чувство смущения и горького разочарования. Однако Фу Яньлинь, который обычно был таким внимательным к каждой детали, в этот раз словно ничего не заметил. Он лишь мягко усмехнулся, отвел взгляд, накрыл голову Мо Сяобэя своей большой, теплой ладонью и слегка, по-братски потрепал его по волосам:

- Поздно уже, ветер становится слишком сильным. Пойдем обратно.

- Не хочу! - Мо Сяобэй упрямо, по-детски покачал головой.

Он внезапно подался вперед, схватил Фу Яньлиня, притянул его за затылок к себе и быстро, почти невесомо чмокнул в уголок губ, а затем с лукавой улыбкой похлопал его по щеке: - Я очень хотел тебя поцеловать, поэтому просто обязан был это сделать. Вот, теперь можно возвращаться.

Мо Сяобэй, густо краснея, нетвердой, слегка покачивающейся походкой зашагал вперед. Фу Яньлинь, оставшийся позади, в полном изумлении расширил глаза, а затем, всё еще пребывая в легком шоке, поспешил следом за ним.

<http://bllate.org/book/17942/1720727>